

Сергей Узун

Троза
революции

эпизод первый

Сергей Узун
Гроза революции.
Эпизод первый

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22102009
ISBN 9785448345494*

Аннотация

Ничем непримечательный мастер-станочник эриданского происхождения переживает расстрел демонстрации. Потрясение пробуждает в нем стремление к свержению государственной власти. В период чудовищных тарифов, репрессий и тупых законов рождается гроза революции.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Гроза революции

Эпизод первый

Сергей Узун

© Сергей Узун, 2018

ISBN 978-5-4483-4549-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Расстрел

В конце обеденного перерыва – заводская столовая опустела. Рабочие разошлись по цехам, сумбурно обсуждая грядущую забастовку, о которой уже вторую неделю талдычат глизинские пролетарии со своими митингами. За столом остался мастер-станочник видного эриданского происхождения с типичной короткой стрижкой и щетиной недельной давности. Артём Карпов склонился над тарелкой, доедал порцию перловой каши с гарниром. Когда-то рабочих кормили бесплатно, но с приходом к власти капиталиста Иллариона Спрутса, всё изменилось, и за обед стали платить сорок эриданских кредитов.

– Артём! – раздал голос. Бригадир в рабочей спецовке подошел к столу, сжимая в руке перчатки. – Карпов! Иди к начальнику цеха. Тебя вызывает срочно.

Карпов опустил ложку и, несмотря на заметное раздражение, ответил спокойно:

– Когда закончу – зайду.

Карпов не любил заполнять свободное время рабочими обязанностями, и надо сказать, всякий нормальный человек этого не любит.

– Лучше поторопись.

– Я сначала доем, – повторил он сдержанно.

Бригадир в спецовке сел напротив.

– Ты знаешь, ему не нравится, когда опаздывают.

– А мне не нравится кандидатура Спрутса.

Бригадир осторожно огляделся. Почему-то он опасался, что эти слова могут быть кем-то услышаны.

– Ты вот что, кончай эти политические разговоры. Понял?

Карпов допил остывший чай в граненом стакане.

– Я пока еще не начинал.

Он встал, и, задвинув стул, удалился.

Леонид Брониславович, начальник кузово-сборочного цеха, нервно ждал в кабинете. Расположившись в кресле по-хозяйски, он закинул ноги на стол, а голову откинул на спинку кресла. Карпов постучал и вошел. Леонид Брониславович, посмотрев на часы, произнес:

– Ты опоздал на две минуты.

– Я был в столовой.

– Опять в столовой?! – начальник спустил ноги на пол. – Да сколько же можно? Не нравишься ты мне, активно не нравишься. Работать не хочешь, то на больничный, то на обед. В чем дело, Карпов? Ты даже в общественных мероприятиях не принимаешь участия.

Карпов сдержанно слушал, и когда начальник замолчал, он ответил:

– Я работаю с шести утра до половины восьми вечера. За какие-то поганые 500 крд. А за общественные меропри-

тия, как вы, уважаемый Леонид Брониславович, пожелали выразиться – мне не платят.

– Да ты бунтарь, Карпов. Не нравится – увольняйся.

Фразу «Не нравится – увольняйся», Леонид Брониславович произносил так, словно в этих словах была последняя инстанция, вместо правильного: мы улучшим условия труда. Но условия никогда не улучшались: зарплаты снижались, а цены росли. Не успевал окончиться один сезон, как происходило подорожание стоимости лекарств и продуктов в частности.

– Разрешите честно, Леонид Брониславович? – с покорностью и благодушием сказал Карпов.

Начальник сложил руки на столе, и вероятно предполагал по интонации Карпова, что тот все-таки остепенится, скажет, как был неправ, покается в смертных грехах и вернется к работе.

– Валяй!

Карпов оперся руками на стол, наклонился к сидящему в кресле, и вопреки ожиданиям последнего, ответил:

– Тварь ты, Леонид Брониславович! Наглая, самоуверенная буржуйско-капиталистическая тварь. Тебе ума, сука, не хватит подумать: как людям жить дальше, потому что у тебя, все всегда было – ты был сыт, одет, при машине и хорошей зарплате!

Леониду Брониславовичу перехватило дыхание и сделалось по-настоящему дурно. Он мог бы сейчас вскочить – на-

чать орать и топтать ножками, хлопать ручками и метаться по кабинету, швырять бумаги, но с ним в жизни никто так не разговаривал.

– Уволен, – неслышно проговорил он, находясь в легком шоке, а потом повторил более четко: – Уволен!!!

– Да, пожалуйста! – Карпов ушел и хлопнул дверью.

Леонид Брониславович оттянул галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

– Ну, сученок... щенок! Больше ты здесь не работаешь!!!

В коридоре Карпов заржал. Наконец-то высказавшись, на всю катушку, мастер-станочник взял деревянный стул и подпер им дверь кабинета.

Карпов вышел на площадку возле цеха, где обычно собирались рабочие. У стенда стояли сварщики и возмутительно охали, читая о грядущих тарифах. Сто рабочих кузово-сборочного цеха прекратили работу и потребовали повышения расценок за их труд. Они шли по дорожке, пролегавшей параллельно пятому цеху. Карпов, наблюдая за ними, поволок из пачки сигарету. Мужчины, женщины, молодые парни – которых было меньше всего – шли перед глазами, как железнодорожный состав. Из толпы отделился мастер электродного завода Самохвалов – мужчина за шестьдесят, вечно таскающий с собой пузырек аптечной настойки, – и направился к Артёму Карпову.

– Артём Романович, ты с нами? – провещал Самохвалов.

Карпов сначала не понял: с кем это «с нами»? И жутко

не любил называться по имени и отчеству, особенно, когда подобным образом обращаются коллеги по заводу явно старше на несколько десятков лет.

Карпов пожал плечами и ответил:

– А куда?

– Все у горисполкома собираются. Народ наконец-то понял, нельзя больше... Дальше-то как жить? У меня семья. Дочка больная, рак у неё, понимаешь... Ей лекарства бесплатно положены. Два миллиона из городского бюджета выделили на какую-то патриотическую чепуху, а онкология без денег сидит. Вот скажи, брат, какой антихрист за этим стоит?!!

– Просто им нужно обеспечивать выполнение государственной функции – производство потенциальных солдат и налогоплательщиков.

Самохвалов махнул рукой и двинулся за рабочими.

– Ты приходи. Карпов. Дело нужное.

Артем сунул руки в карманы и развернулся. Надо бы забрать трудовую и диплом в отделе кадров. Он придумал, как это сделать. В отделе кадров работал бюрократ Степанов, и никакую бумажку просто не отдавал. Артем вошел и поздоровался для приличия.

– Привет, – сказал он без эмоции, положив руки на подставку, разделяющую комнату поперек.

Степанов жевал бутерброд и пил чай.

– Чего тебе?

– Трудовую книжку и диплом, нужно переписать данные. Степанов поморщился.

– После смены заходи.

– Одна минута, я перепишу, Рабза приказал. Тебе жалко, что ли?

– А, ну если Рабза, – заговорил Степанов, – тогда другое дело. Только быстро. Фамилия?

– Карпов Артем Романович.

Степанов ушел в архив, и через две минуты – принес трудовую и диплом.

Артем взял документы и ушел.

– Эй, что за наглость?! – опешил Степанов. – Ты что себе позволяешь?! – он кинулся за ним. – Верни документы! Подонок!

Артем вполборота посмотрел на него, что Степанов, циничный бюрократ и фемидопоклонник, ощетинился, сжался и ретировался обратно. Вот и документики, подумал Артем, теперь меня здесь ничто не держит. Пусть сами встают в 5.30 и валят на свои заводы в душных электричках. И пока государство не соизволит платить больше, ноги моей здесь не будет.

Митингующие тянулись вдоль бульвара по главной улице на площадь горисполкома. К ним стали присоединяться случайные люди, в том числе и женщины с детьми. Их было так много, что в людском муравейнике можно легко затеряться. На краю улицы стоял Круглый – полный, как Винни-Пух,

в меру упитанный мужчина, с выпирающим пузом в синей летней футболке и спортивных штанах «Апакун». Круглый пыхтел и вертелся по сторонам, как маяк на причале. Карпов увидел его издалека. Эту фигуру тяжело с кем-то спутать, даже в толпе нескольких сотен демонстрантов. Круглый не заметил, как Артём подкрался сзади и хлопнул по плечу.

– Здорово, Винни-Пух.

Круглый повернулся, а Карпов выскочил с другой стороны и стал перед ним.

– Ромыч, я запарился ждать.

– Не дергайся, Круглый. Лучше давай, живот подбери, и умоляю, заканчивай жрать всякую гадость. Разнесёт ведь.

– Еда – это искусство, – с гордостью ответил Круглый, – а я художник.

– Художник, ты скоро на картине не поместишься.

– С твоего завода пришел кто-нибудь?

– Я пришел.

– А кроме тебя?

– Две сотни рабочих. И одна с электродного.

Артём указал дорогу, и Круглый пошел впереди. Горисполком располагался на соседней улице. Выложенный декоративной плиткой подъезд четырехэтажного здания был отделен ограждением, за которым стояли полицейские. На площади громоздилось столпотворение. Народ шумел, гудел, разворачивал плакаты, приезжал на машинах и становился за массой митингующих.

Артём шел за Круглым. Они протолкнулись за припаркованными легковушками и стали позади скопления забастовщиков. Те, кто стояли в первых рядах, время от времени, наваливались на ограждения, удерживаемые полицейскими. Артём увидел Самохвалова в группе рабочих электродного цеха, и узнал их. Сегодня они с утра крутились на заводском КПП, но на работу не вышли. Самохвалов раздал плакаты и над головами раскрылись надписи, сделанные яркой эмалевой краской. «Тарифы – это фашизм!» – гласила первая надпись. На втором плакате Артём прочитал «Хватит повышать цены».

Через полчаса у горисполкома столпотворение увеличилось. Правда, пришли не все. Одних патриотизм заставлял ощутить себя обязанными согласиться с решением правительства; другие боялись возможных репрессий.

– Ты прямо так и сказал?! – с удивлением изрек Круглый.

– Ага, – ответил Артём, – говорю: «ты, буржуйская тварь капитализма».

– Ну-ну, и он тебя уволил?

– Вроде того.

– А ты дверь хлопнул?

– Разумеется.

Круглый почесал затылок.

– Жалко. Ведь там осталась твоя трудовая, этот капиталюга, Бог знает, что он там понапишет. Потом никуда не устроишься.

Артём с неистойвой усмешкой посмотрел на Круглого, и, вытянув трудовую книжку, помахал ею в воздухе.

– Фокус-покус! – сказал Артём.

– Ну, ты даешь! – расплылся в улыбке Круглый. – Как ты ее забрал?

– Зашел в отдел кадров и забрал.

Карпов повернул голову. Самохвалов поднялся на парапет и громко заявил:

– В то время, когда рабочий народ подыхает с голоду, элита занимается реформами и оптимизацией, озабочена каким-то законами и поправками, которые до сих пор принимаются. А врачи, сколько они получают, товарищи?!!

– Врачи получают копейки! – голос врача из толпы заставил большую часть активно шуметь и возмущаться.

– Эй, пролетарий! – закричала девушка в униформе СМП¹, сидящая на шее коротко стриженного блондина, и замахала рукой. – Медицина тоже бастует!

Карпов смотрел на них косым взглядом, слушая, как Круглый восхищался поступком на заводе. Но Карпов почти не слышал его.

– Ромыч, ты меня слушаешь?

– Да-да, конечно.

Самохвалов не переставая толкал демагогию, а потом раздался гул. Мэр города Глизе, где и происходил митинг, вышел на балкон горисполкома с мегафоном. Рядом с ним стоя-

¹ Скорая медицинская помощь

ли два человека: начальник полиции и депутат государственной думы Юдин.

– Граждане! – мэр покашлял для виду. – Прошу сейчас же разойтись по рабочим местам и не создавать беспорядки в городе! Обещаю, завтра мы спокойно обсудим в городской администрации, и организуем цивилизованный прием...

Митингующие взвыли, заорали, и посыпались недовольные возгласы, обещающие четвертовать, линчевать и отправить действующую власть в какие-то не очень культурные места.

Мэр видел, как толпа наваливается на ограждение, удерживаемое силами полиции Глизе. Люди ползли со всех сторон, а на улицах прибывали новые. Скопление росло. У горисполкома творилась неразбериха.

Мэр отстранился и вернулся в помещение.

– Идиоты! – сказал он. – Вечно всем недовольны. Дикари! Средневековые варвары. Если им не нравится жизнь в стране, то пусть уезжают.

– Не беспокойтесь, – ответил Юдин, закончив разговор по телефону. – Я позабочусь об этом. Через двадцать минут их здесь не будет.

На порог горисполкома вышла гвардия с автоматическим оружием и стала цепью за полицейскими. Карпов их видел отчетливо. Потом он посмотрел на крышу – там показались снайперы.

– Не нравится мне всё это, – Карпов дернул Круглого

за плечо. – Заберу Самохвалова, и пошли отсюда.

Круглый собирался что-то сказать, но Карпов протиснулся между двумя мужчинами и скрылся в людском муравейнике. Он с трудом преодолел каких-то пятнадцать метров, прежде чем выбрался к парапету. Самохвалов не утихал, бросал лозунги, придуманную наспех речь о жизни, и вместе со всеми тряс кулаками в воздухе.

– Пойдем отсюда, – Карпов взял Самохвалова за руку и стянул вниз.

– Артём Романович! Дорогой! Мы же только пришли! И никуда не уйдем, правильно?

«Правильно!» – раздались голоса вокруг.

Карпов старался улыбаться, обнял Самохвалова и неслышно проговорил тому в ухо:

– Пойдем отсюда, дурак, я кому сказал.

Самохвалов резко отстранился.

– Поздно, Карпов! Уже слишком поздно.

Они смотрели друг другу в глаза. Самохвалов отрицательно мотал головой и тряс подбородком. Артём почему-то в этот момент сильно его возненавидел, и желал двинуть в рожу, взвалить на себя и уползти по улице. Самохвалов с глубоким презрением посмотрел на мастера-станочника и забрался на парапет.

Карпов ушел. С Круглым они пробирались в конец столпотворения, растянувшегося до соседней улицы. Там толпа редела и парковались автомобилисты.

На площадь прибыло полицейских и местных патриотов, неофициально состоящих в штате управления внутренних дел. Мэр попытался снова поговорить с демонстрацией, однако опять потерпел фиаско и взвинченный вернулся в кабинет. В здание горисполкома прибыли дополнительные силы местной власти, а улицы, пролегавшие поблизости от площади – заняли бойцы гвардии, создав второе оцепление. Рано или поздно масса могла выйти из-под контроля. В госбанке уже попытались прорваться люди, но были остановлены бойцами гвардии. Случай обошелся без жертв, и всё прошло относительно спокойно.

Движение по главному проспекту было перекрыто, а дорогу заняли те же демонстранты вперемешку с полицией. Власть пока наблюдали и не вмешивались.

В первых рядах митингующие очередной раз навалились на ограждение. Какой-то мужчина, с виду приличный семьянин в шортах и кроссовках из дешевого бутика, перелез сборный забор. Замахнувшийся со всего размаху полицейский, врезал по затылку бедолаге, когда тот наклонился вниз, готовясь перевалиться за ограждение. Мужчина обмяк и повалился на тротуар.

Демонстранты завыли.

– Мужики!!! – закричал голос в толпе. – Смотрите! Пролетарий бьют.

Они повалили массой на полицейских. Забор, не выдержав давления ярости, рухнул. Дополнительные силы гвардии

прошли вдоль фасада и выстроились в две шеренги. Из автоматов был произведён предупредительный залп вверх, отчего шумевшие и напиравшие на солдат люди отхлынули назад.

Круглый и Карпов вышли на тротуар у припаркованных позади массы легковушек.

– Началось, – Карпов обернулся на звук. Он чувствовал: именно этим всё и должно закончиться, и не ошибся.

Демонстранты вновь ринулись к зданию и выставленным вдоль него гвардейцам. Последовал повторный залп вверх и затем был открыт огонь по толпе. Одновременно забили снайперы с крыши, подавляя наступление к фасаду. После выстрелов и первых убитых толпа в панике побежала прочь. Пули ударили высокого блондина и дамочку в летней панаме. Они упали на тротуар, где лежали трупы, изрешеченные в спину и грудь.

Карпов повалился под натиском отступающей толпы, как вдруг над головой снова засвистели пули и раскрошили стекло легковушки. Круглый неуклюже пополз между двумя машинами. Снайпер снял мужчину с плакатом, который повалился перед Круглым, с расколошмаченной головой.

– Круглый! – голос Артёма пронзительно донесся где-то рядом. – Резко, Круглый! Резко!

Артём форсировал в сторону переулка. Круглый поднялся и кинулся за ним. Они улизнули вдоль кварталов за угол обшарпанной гостинки.

Поблизости снова раздалась одиночные с перерывом хлопки. Парень стрелял из ТТ и согнулся пополам. Снайперская пуля прошила ему живот. Парень склонился и упал, выронив пистолет из ослабшей руки.

Карпов рванул поднять оружие. Он на секунду подумал, сто́ит ли оно того, а затем, сделав выпад, подобрал ТТ и ретировался за угол.

Круглый тотчас бежал через двор. То тут, то там снова-ли перепуганные люди, в панике убежавшие с опустевшей площади, где оставались лежать убитые. Из-под изрешеченных тел образовались лужи крови. Окрестности горисполкома напоминали скорее поле боя, чем мирную городскую площадь.

Карпов оглянулся и пошел вдоль стены.

– Проклятая власть! – парировал Карпов. – Фашисты, не люди, чтоб вы сдохли...

Впереди было тихо и полиции не наблюдалось. Выйдя с другой стороны дома, он лицом к лицу столкнулся с полицейским.

Это был неопытный, мало повидавший в жизни юноша, старше двадцати лет, который после службы в армии – ушел продолжать карьеру в патруль по контракту.

Он и Карпов замерли. Молодой полицейский бросил взгляд на ТТ, потом в глаза Карпову. Последний дышал тяжело, сердце колотилось, а по телу полз пронизывающий жар. Юноша едва заметно покачал головой, мол: нет, не стре-

ляй. Карпов направил ТТ и выстрелил. Пуля разорвала сердце, и полицейский, успев лишь глубоко вдохнуть, пошатнулся и упал набок.

Карпов несколько секунд держал оружие на вытянутой руке, не сводя взгляд с человека, которого только что убил. И ему, на удивление, понравилось. Вернее, сделать это было легко и просто. Он нагнулся к убитому, вытянул из кобуры табельный пистолет, запасную обойму, и смылся.

Отдаленно выла сирена и раздавалась канонада. Гвардия, взявшая в оцепление улицы, расстреливала убежавших с митинга.

Поздним вечером, когда уже стемнело, Артём Карпов рейсовым автобусом заехал в село в двадцати километрах от Глизе. Он спустился со ступеньки на остановку, и, минуя компанию садоводов, двинулся по направлению частных домов.

Первая застройка сектора закончилась, дальше следовало обширное поле, где днем пахали тракторы и выводились стада. Оружие Карпов держал при себе, скрывая под футболкой. Он шел через поле по вытоптанной за много лет дорожке, по которой часто ходил, когда приезжал к Анне Ковальчук. Девушка жила в другом районе села, куда можно добраться либо по трассе в объезд, либо по этому пути, перейдя поле. С одной стороны располагался суходол, простирающийся на запад к пахотным участкам, за ними умещалась

лесополоса и Отрадное.

Возвращаться домой на квартиру в Глизе – чревато столкновением с полицией. Вдруг они вышли на Карпова или принялись за розыск убежавших демонстрантов. В любом случае, Карпову не хотелось там появляться, на всякий случай, лучше всего свалить подальше, не показываться в Глизе. Там сейчас творится, черт знает что, комендантский час, например. Очевидно, по улицам снуют военные джипы с гвардейцами и ловят первых попавшихся. Ходят по квартирам, запугивая жильцов и требуя от них молчать. Да, какое, черт возьми, молчание? Небось, весь интернет пестрит съемками расстрела и убийств митингующий. Дело пахнет восстаниями и новыми беспорядками. А как же Круглый? Он-то, наверное, неизвестно где. Разминулись в неразберихе и панике. Круглому в первую очередь позвонить, да узнать, жив ли Винни-Пух. А может его, повязали легавые, и сидит толстячок в камере, клянется, что ни на какой площади не был, и про расстрел – ни сном, ни духом.

Издали показалась фигурка. Это была Анна Ковальчук. Она бежала со всех ног, в истерике громыхая соплями. Поравнявшись с Карповым, она запрыгнула ему на шею и зарыдала. И повод был тому весьма серьезный. Карпов еще не отошел от расстрела на городской площади, сразу не понял в чем дело. Анна зарыдала громче.

– Там! – она указала рукой в сторону дома. – Они там, Артём!

– Кто они?

Анна не смогла внятно ответить. Карпов, раззадоренный приключением, быстро ринулся вперед. Анна пошла за ним.

Какая еще мразь, подумал Карпов, посмела войти в нашу жизнь. А что если на него вышли легавые? Как-то просекли по убийству юноши в форме, либо... Нет, бред. Почему именно сюда? Даже если это и полицейские, то не стали они переться к черту на рога, а просто подкараулили бы у квартиры в Глизе по адресу проживания. Это было бы логичнее. Значит, что-то другое, не связанное ни с расстрелом демонстрации ни с убийством того выскочки. Однако связь была – косвенная.

Поблизости двухэтажного дома Анны Ковальчук торчала полицейская машина, а в стороне клокотал в холостую грузовик. Служащие выносили из дома телевизор и загружали в кузов. Чернявая пристав, отмечала в планшете по списку, параллельно разговаривая с кем-то из соседей.

Артём подошел сзади.

– В чем дело?

Пристав повернулась к нему и проговорила заученную наизусть фразу:

– По решению суда производится арест имущества гражданки А. Ковальчук. Вы ей родственник?

У Карпова заболело в животе и стало неловко. На его глазах нагло и цинично, власть фашизма обдирала и без того бедную гражданку до последнего кредита. И возмутительнее

всего то, что власть сначала загнала её в долговую яму, а теперь – привет, салам, как говорится, мы по-закону и у нас есть решение суда.

Карпов не мог внятно понять суть происходящего. Сначала он увидел служащих, которые конфисковали холодильник, купленный лично на сбережения Карпова ко дню рождения Ковальчук. Кажется, фашисты рылись в нем, проверив, какую еду покупают и хранят простые граждане. Лучше бы у Спрутса посмотрели, тот, небось, жрет устрицы и попивая коньяк, обдумывая поправки к законам. Да чтоб на этом месте тут же разорвалась бомба!

И она действительно разорвалась – адреналиновая, внутри. Карпов даже едва не взмыл в небо: тело онемело, накатила жар, вперемешку с яростью, страхом, ненавистью и неисчерпаемой злобой. И мысль одна: пистолет. Он был так близко, что рукой взять да достать, а потом вынести бабенке мозги, если они есть, конечно.

– Не делайте этого, – вполголоса сказал Карпов. – Я вас прошу, не делайте.

– Молодой человек, есть решение суда. Мы должны ему повиноваться, правильно?

Карпов потянулся за оружием.

– Не правильно. – Нашупав рукоятку, он вытащил пистолет, и, приставив к затылку женщины – выстрелил. БЛАМ! Чернявая пристав упала замертво. Карпов не раздумывая навел ТТ и перестрелял патрульных.

Соседи в панике бросились в стороны. Карпов переступил мертвеца и вошел в дом Анны. Там он нашел канистру, от которой несло бензином, и облил комнату, мебель, столы и стены.

– Обойдетесь! – Карпов бросил зажженную спичку.

Бензин вспыхнул. Пламя взмыло по стенам и охватило комнату.

Анна прибежала, когда дом полыхал на всю катушку. Пожар бушевал в окнах и валил густой дым. Карпов взял Анну за руку, увел в сторону, а она смотрела на убитых и рыдала, не в силах поверить, что с ней это происходит.

Они долго шли по дорожке, окаймленной высокими колючками на берег реки, не проронив ни слова. У берега Карпов лег на траву, уставился в звездное небо. Он лежал и молчал, закрыл глаза, и Анна, сидела рядом, держала за руку, гладила по голове.

– Вот здесь, – Артём Карпов сжал одежду на груди, – так погано. Болит внутри.

– Что теперь делать? У нас нет дома.

– Я должен был его сжечь, чтоб он не достался тварюкам. Пускай подавятся, пусть нажрутса сажи.

– Это пройдет. Поверь.

– Не пройдет. Но надо что-то менять. Так оставлять нельзя. Мы свергнем их любой ценой, – Артём на мгновение замолчал. – Ты со мной?

Ответа не было. Анна молчала. В реке заплескалась рыба,

и подул ветер, зашумев в тростниковых зарослях.

– Ты со мной? – с тяжестью повторил Артём.

– У тебя есть другая?

Она склонилась к нему на грудь и зарыдала.

Глава 2

Гений

Одноэтажный дом родственника Круглого располагался на отшибе поселка со стороны лесного массива в пяти километрах от АЭС. В комнате скромного жилища витал аромат пресных овощей и грибов, доносившийся откуда-то сверху. Артём уселся за стол, мельком глянул на Круглого, который устроился верхом на стуле, сложив руки на спинку, и, переведя взгляд на Анну, сказал:

– Остается решить один вопрос – вы со мной, братья мои... и сестры?

Замолчал и ждал ответа. Анна смотрела на него, эпизодически вспоминая вчерашнее приключение: убитых патрульных и чернявую девушку-пристава, которую застрелил Артём. Круглый, на удивление, оставался спокойным.

– Я с тобой, Ромыч... – сказал он с ноткой протеста. – Только нас мало, трое всего, не выстоим против державы – убьют сразу.

Артём пожал плечами.

– Если Бог даст.

– Как-то не хочется в могилу раньше времени опускаться. Знаешь, сколько таких было и где они сейчас? Вспомни, чем закончилась забастовка рабочих!

– Артём! Он прав, – Анна кивнула на Круглого. – Ты же был на площади, видел на что они способны!

Артём посмотрел на неё кротко, но с укоризной.

– Верно, – ответил он, поднялся и начал ходить по комнате. – Всё правильно, моя дорогая. Мы обязательно когда-нибудь умрем. Но вопрос в том, как: в бою и с оружием в руках... или прося милостыню на вокзале, с протянутой рукой, потому что на лекарства не хватает. Лучше погибнуть от пули, сражаясь, чем сдохнуть нищим от голода.

Артём вытащил ТТ и положил на стол.

Круглый сдержанно усмехнулся.

– Аргумент твой – оружие?

– Пузырь, ты со мной?

– Да, сказал же, с тобой, – ответил Круглый, а потом тяжело вздохнул и добавил: – Кстати, о Самохвалове знаете...

– Что с ним?

– Снайпер на площади ранил. Его на «красном плюсе» увезли в больницу. А потом спросили, есть ли у вас, гражданин Самохвалов, полис страхования? Без него, говорят, мы вам ничего не будем, хоть ты подыхай! А где ему-то взять полис, ведь за полис нужно деньги заплатить. При такой-то зарплате, – Круглый сморщил лицо, – штука эриданских кредитов.

Артём от злости сжал кулак.

– Он жив?!

– К счастью. Врачи хотели с огнестрелом на улицу выки-

нуть. Слава Богу, жена деньги в долг взяла... А потом узнали, мол, подстреленный-то на площади, и его легавые прямо с палаты под ручки и в участок.

– Вот, суки.

– Жена его мне рассказала. Человек пятьдесят вчера по городу ловили. Всех эти джипы гвардии, в общем... в кутузку и...

Воцарилась тишина. Артём сел обратно за стол, откинулся на спинку деревянного стула и закрыл глаза.

– Это когда-нибудь пройдет.

– Планы у тебя есть, гражданин революция?

– Нужно заручиться поддержкой народа. Втроем мы действительно ничего не сможем сделать. Но для начала нам потребуются деньги.

– Отлично! Ты знаешь, где их взять?

Артём осмотрел сидящих за столом, и по взгляду стало понятно: он-то знает.

– Сегодня каждый из нас возьмет в госбанке сумму на сто тысяч в долг. Банки знают, в стране безработица и люди ищут средства для выживания. Поэтому они спекулируют на ситуации и легко выдают наличку.

На лице Анны появилась улыбка.

– Оказывается, разбогатеть очень легко.

– Элементарно, учитывая, что мы эти деньги возвращать не будем. Идем до конца. Победа, – Артём взял ТТ и с величием поднялся, – или смерть. На деньги купим оружие.

Тут Круглый ахнул.

– У кого купим-то?

– Был бы грош, как тратить – нет вопроса. Видит Бог, правда на нашей стороне.

– Правда у каждого своя, – заметил Круглый и стал собираться.

– Вот именно поэтому и нужно заручиться поддержкой людей с улицы. Им нужен лидер, они его получают.

– А лидером хочет стать Карпов.

– Имеются возражения?

– Ну, от должности правой руки лидера я не откажусь.

Артём посмотрел на часы – половина одиннадцатого.

– Выезжаем сейчас.

План, задуманный Карповым, на удивление, оказался простым. Ковальчук получила в госбанке Глизе ровно сто тысяч кредитов наличкой. Круглый пришел через полчаса и, на ходу придумав историю про бедную многодетную семью, унес столько же. Спекулирующий на безработице и нищете банк с удовольствием выдавал кредиты, а если по истечению срока деньги не возвращались, то к должнику навевались коллекторы. Должнику могли запросто набить морду, а госбанк через суд, отжимал имущество, и бедолага оставался с носом. Именно так и появлялись бомжи, нищие. Должника арестовывали, и он отработывал полную сумму с процентами. Государственная дума приняла закон, обязывающий должника отработать в долговом лагере номер 11, ставшим

известным в последние несколько лет под названием «Барабанные палочки». Система работала, на удивление, хорошо.

Карпов опустил в кресло, рассматривая улыбку девушки в деловом костюме, с причёской, которую укладывали не один час в дорогом салоне красоты.

– Сколько вы хотите получить наличными?

Артём сидел свободно с видом серьёзного человека.

– Сто тысяч, – сказал он.

– Такие деньги мы выдаем под залог недвижимости.

– Не вопрос.

– На оформление уйдет двадцать минут. Давайте ваш паспорт.

Артём потянулся во внутренний карман куртки и наткнулся на рукоятку пистолета. А может вынуть ствол и снести ей башку, подумал он, и протянул паспорт. Но тогда придется испортить всю красоту, за которую эта блядь – отдала половину зарплаты заводского мастера.

Дама начала вносить в компьютер данные и забалтывала клиента, подсовывая бумаги для подписи. Артём их подписывал. Даме он сразу не понравился, поэтому симпатичная и нафуфыренная похоть – согласилась только под залог. У кого особо нечего отжимать по решению суда, могли за просто на три года отправить подметать улицу. Гарантированный билет в «Барабанные палочки».

– Подождите пять минут, – дама брякнула и поспешила удалиться.

Она должна вернуться с деньгами.

Артём позвонил Круглому.

– Чем обрадуешь, толстый?

– Порядок, Ромыч! – ответил тот в трубке мобильного телефона. – Денежки у меня.

– Проблемы были?

– Никаких.

– Ладно, жди. Езжайте домой, как условились, я буду позже.

Когда дама вернулась с пакетом денег, Артём сбросил вызов и положил телефон в карман.

– Пересчитайте, – сказала дама.

– Я вам верю.

Он взял увесистые толстые пачки валюты, сложенные аккуратно в специальном пакете, и сунул в приготовленный непромокаемый рюкзак.

За спиной выросли два неприятных близнеца-морозоворота в деловых пиджаках.

– Минуточку, – сказал первый и потянулся взять рюкзак. – Не так быстро, приятель.

– В связи с изменениями правил выдачи кредита, – заговорил второй, – сторона по кредитным отношениям, принимающая на себя обязательство возратить в установленный срок ссуженную стоимость и уплатить процент за время пользования ссудой, обязана ознакомить представителя банка с имуществом. Семнадцатый пункт, раздел четыре.

Что за бред, подумал Артём.

– У меня знакомый брал деньги, – ответил он, – подобного и в помине не было.

Дама за столом сумбурно прошебетала о реформе, мол: если банк усомнился в платежеспособности заемщика, то согласно новым правилам, тот обязан ознакомить представителей с имуществом, которое уходит под залог. Со стариками и многодетными дело проще – проще отжимать долги. А Карпов оказался несколько подозрительной личностью, и администрация пожелала воочию увидеть недвижимость. Вдруг там и брать нечего в случае чего.

Артём быстро согласился. Близнецы предложили машину, съездить по адресу и посмотреть. Они сели в элегантную иномарку и уехали.

Деньги везут с собой, думал Артём, значит, хорошо. Круглому и Анне париться не пришлось, тоже хорошо. Ладно, хотят посмотреть, пускай смотрят.

Иномарка подъехала к дому и припарковалась у подъезда. Артём и два мордovorота поднялись на пятый этаж, вошли в хорошо обставленную четырехкомнатную квартиру. Те двое осмотрелись, прикинули, что почем и сколько стбит, повертелись в прихожей и двинулись в гостиную. Интерьер был весьма приличного вида, здесь, по всей видимости, жил человек, неплохо зарабатывающий и скопивший достаточно для комфортной жизни в одиночку. Широкий плоский телевизор, компьютер, заграничная мебель лаконично вписыва-

лись в ремонт, сделанный со вкусом.

– Вы всех клиентов так проверяете? – заговорил Артём, пока близнецы на глаз оценивали стоимость роскошного дивана.

– Выборочно. А то у нас случай был: мужик хотел 90 штук взять, а у самого такая халупа с мышами.

Артём стал к ним спиной. Взял ТТ, снял с предохранителя и повернулся.

– Вы вдвоем, быстро сели. Сели, я сказал.

Банковские мордороты разинули рты и растерялись. Дуло пистолета, направленное на них, явно не входило в планы.

– Мужик, ты чё?

– Рот закрой. На диван живо. Руки покажи! Руки покажи, чтоб я видел.

Парочка уселась на тканевый диван.

– Ключи от машины!

Первый полез в карман и бросил ключи Артёму.

– Тихо сидеть, – Артём взвёл курок, – сколько денег в банке наличкой?

Близнецы молчали и тряслись от страха. Они привыкли наезжать на беззащитных заемщиков, но сейчас их жизнь висела на волоске. Мало ли, вдруг этот сумасшедший пальнет ненароком.

– Сколько денег в банке?! – повторил Артём и застрелил сидящего слева.

– Два миллиона, примерно, – ответил оставшийся. – Не убивай, мужик.

– Бери бумагу, ручку. Рисуи схему помещения, как войти в хранилище.

Тот схватил блокнот и стал рисовать. Артём держал на вытянутой руке пистолет, направленный точно в голову. Затем вытащил второй, отнятый тогда у застреленного полицейского юноши.

Мордоворот спешно начеркал схему и протянул Артёму.

– Вот, нарисовал.

– Брось на пол. Кто имеет доступ в хранилище?

– Управляющий и помощник, – сумбурно проговорил сидящий на диване.

– Сколько охраны?

– Трое.

– По тревоге кто приезжает?

– ЧОП.

– Где расположены тревожные кнопки?

Мордоворот промолчал. Артём выстрелил над головой.

– Э... у кассира и в кабинете управляющего.

– Надеюсь ты мне не соврал.

– Не, я правду... правду сказал. Мужик, не убивай. Умоляю.

У Артема перед глазами на миг всплыл недавний заголовок, подсмотренный в глобальной сети, если не изменяет память, в рубрике «криминал».

– Месяц назад, семья, двое детей. Взяли кредит в госбанке. Коллекторы подождгли дверь, где проживали должники... Было?!! Ваших рук дело?!!

Сидящий на диване начал трястись и замямлил:

– Мы не хотели никому причинить вреда, мы хотели припугнуть...

– Ты лично принимал в этом участие?

– Мы просто хотели припугнуть. Никто не хотел, так получилось.

– Раньше надо было думать. – Артём навел оружие и спустил курок. Мужчина развалился на диване с дыркой между глаз.

Выйдя во двор, Артём открыл багажник иномарки и забрал свой рюкзак. Деньги на месте. Из пакета он вытащил купюру в пятьсот кредитов, представляющую месячную зарплату мастера-станочника, и поспешил удалиться.

Он шел дворами, минуя спортивную площадку школы, потом перемахнул низкий забор детского сада, и скрылся по направлению гаражей.

Квартира, где лежала парочка жмуриков из госбанка, на самом деле принадлежала Леониду Брониславовичу. Тот, в это время, гоняет рабочих по цеху. Артём знал, где хамовитый начальник прячет запасной ключ – под щитком справа от двери, поэтому в нужный момент изобразил хозяйственное лицо и провел близнецов якобы в свою квартиру. А Леониду будет хорошенький сюрприз – домой вернется, злой

как собака, а там покойники на диване отдыхают. Будь в госбанке повнимательней, они бы сразу просекли хитрость, поскольку в документах, которые им были предоставлены значился другой адрес. Скоро там кинутся искать пропавших, мол: уехали и не вернулись. А легавые начнут искать, сразу догадаются – посмотрят записи последнего клиента и выйдут на Артёма. Черта с два! Потому что ничего не стоило умыкнуть у буржуйского ротозея паспорт, вклеить свою фотографию и подсунуть его дамочке. А она переписала левый адрес, имя и фамилию некого Иванова Ивановича, дальше капаться не стала. Кредит выдан на чужое имя.

На улице Артём поймал такси и велел ехать на автовокзал. Автобус в поселок отходил в тринадцать сорок пять.

Было ровно три часа дня. Анна и Круглый считали денежки и мечтали, что можно купить, потратив хотя бы часть.

– Не увлекайтесь, – сказал Артём, войдя в комнату, и бросил им пакет, – нам это для дела нужно.

Круглый собрал пачки в одну кучу, и, сделав удовлетворённое лицо, провещал:

– Триста штук! Очуметь можно!

Артём примостился на стареньком кресле.

– Осталось раздобыть пушки.

– Ты уже придумал как?

– Придумал, Жора, придумал. Есть один вариант.

Артём поднялся, открыл крышку ноутбука и стал долго искать. Наконец, он нашел веб-сайт с опубликованной ста-

тьей о пойманной банде террористов месячной давности. Но суть очередного хода гения, заключалась в одном из членов банды – сорокалетний эриданец по прозвищу Чех. Его держали в Глизенском СИЗО. Чех оказался мелкой фигурой, коротышкой в деле, который по неосторожности попал в неприятности. Убийства за ним не значилось, и он мог бы вполне отсидеть год и выйти.

– Вот, меня интересует он, – Артём тыкнул пальцем в экран. – Надо бы с ним встретиться. Этих колят на оружие, а где оно, они не говорят.

– И как ты с ним встретишься? – спросила Анна.

– Для этого у нас есть деньги, милая. Мне бы попасть к нему в камеру на свидание. Придется заплатить кому надо.

– Думаешь, тебя впустят?

– Я попробую.

Круглый спросил:

– Ну, и?

Артём усмехнулся и вернулся в кресло.

– Не бзди, пузырь. Дальше – только веселее.

В комнате свиданий томился коротышка Чех. Это был крупный блондин с настороженным, угрюмым взглядом. Дверь со скрипом отворилась, и оттуда послышался голос:

– У вас десять минут.

Коротышка увидел Артёма, вошедшего в комнату. Дверь громко захлопнулась, и Артем остановился у порога, уста-

вившись на сидящего за столом коротышку. Тот, согнув спину, покачивался и тяжело дышал.

– Ну, привет.

Коротышка посмотрел на вошедшего, пытаясь вспомнить, где они могли бы видаться, но так и не вспомнил. Лицо незнакомое. Они виделись впервые.

– Ты кто такой?!

Артём сел напротив коротышки Чеха и сложил руки на столике. Почти сразу сказал:

– Друг, быть может.

– Че надо?

– Скажи, здесь слушают?

Чех машинально оглянулся, и в душе закралась какая-то непонятная штука: почему этот спросил, слушают ли в камере, легавый бы не спрашивал, значит, парень не из полиции.

– Только видео, – невнятно пробуровил Чех.

– У меня к тебе дело и времени в обрез. Я знаю, ты со своими людьми участвовал в захвате департамента полиции двадцать девятого апреля. Отчаянный ход. Хотя и глупый. Видел я с каким пушками вы дело провернули.

– И че?

– На свободу хочешь?

– Меня и так отпустят.

– Через год... возможно. А я гарантирую в ближайшие два дня. Идёт?

Чех наклонился и вполголоса заговорил:

– Ты адвокат что ли?

– Я тот, – ответил Артём, – кто тебе поможет. Но первый ход за тобой, приятель.

Чех засомневался и подумал – подсадной.

– Не разведешь меня, легавый. Знаю я эти фокусы!

Он отвернулся, изобразив позу протеста. Артём понял, что на этом разговор может быть окончен, и перешел к плану Б. Времени на уговоры не было. Он сунул ему под нос портативный видеоплеер, убавил немного громкость, и на экране появилась черноволосая женщина с завязанными глазами. За спиной стоял мужчина в маске, поднеся лезвие к ее гусиному горлышку, угрожая вскрыть трахею и испортить симпатичное личико.

Чех яростно сморщил лицо и налился злобой. Увиденное нанесло ему сокрушительный удар, что он едва не задохнулся. Это была его приятельница, любовь и будущая жена – Кристина Полищук. Не будь пристегнутым к специальной трубе наручниками, коротышка бы тут же накинулся. Все-таки он сидел ровно, покорно, отведя взгляд от экрана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.